

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 2. С. 600–616.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 9, no. 2 (2025): 600–16.

Рецензия

УДК 94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-2-9>

<https://elibrary.ru/xcmgrz>

Люди и земли русского монастыря на пути к раннему Новому времени

Рецензия на: Черкасова М.С. Троице-Сергиев монастырь в XV–XVIII вв.

Вологда: Древности Севера, 2024. 575 с.

Антон Владимирович Всеволодов

Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия,

vsevolodov12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>

Anton V. Vsevolodov

Cherepovets State University,

Cherepovets, Russia,

vsevolodov12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>

Аннотация. Вышедшая в 2024 году монография профессора Вологодского государственного университета Марины Сергеевны Черкасовой – третья в ее научном творчестве, посвященная социальной и экономической истории Троице-Сергиева монастыря. Если предыдущие книги были подготовлены по материалам кандидатской и докторской диссертаций автора, то нынешняя, в отличие от них, представляет собой подборку тематических региональных очерков, составленных из ранее изданных и впервые публикуемых статей. Подытоживая результаты многолетних исследований и намечая перспективы новых, Черкасова представляет читателю не цельную картину, а скорее мозаику жизни главной русской монашеской обители и ее огромной вотчины на протяжении четырех столетий – и пытается ответить на вопрос о причинах феноменально долгого непрерывного роста троицких владений. Переход из Средневековья в раннее Новое время не только не прервал его, но придал этому процессу новый импульс. Последовательно придерживаясь формационного подхода в версии советской историко-аграрной традиции, автор доказывает, что причины устойчивости всего монастырского организма вплоть до 1760-х годов крылись в постепенном усилении элементов денежной экономики и достижении приоритета душевладения перед землевладением. Троицкая вотчина представляла собой автономную многоукладную и высокодифференцированную систему, способную к саморегуляции и развивавшуюся несинхронно. Ее структурную основу

© Всеволодов А.В., 2025

© Vsevolodov A., 2025

создавало сложное переплетение властно-собственнических и иммунитетных начал, позволявшее достигать «единства через разнообразие», гармонизировать архаическое и новационное.

Книга М.С. Черкасовой, выполненная на обширном и профессионально проработанном источниковом материале, демонстрирует, что феодализм, и как концепт, и как производная марксистской в основе методологии при творческой, а не догматической его трактовке, по-прежнему сохраняет потенциал в комплексном анализе российской исторической динамики.

Ключевые слова: Троице-Сергиев монастырь, вотчина, население, землевладение, русский феодализм, раннее Новое время

Для цитирования: Всеволодов А.В. Люди и земли русского монастыря на пути к раннему Новому времени. Рецензия на: Черкасова М.С. Троице-Сергиев монастырь в XV–XVIII вв. Вологда: Древности Севера, 2024. 575 с. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 2. С. 600–616, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-2-9>; EDN: XCMYRZ

People and Lands of the Russian Monastery on the Way to the Early Modern Period

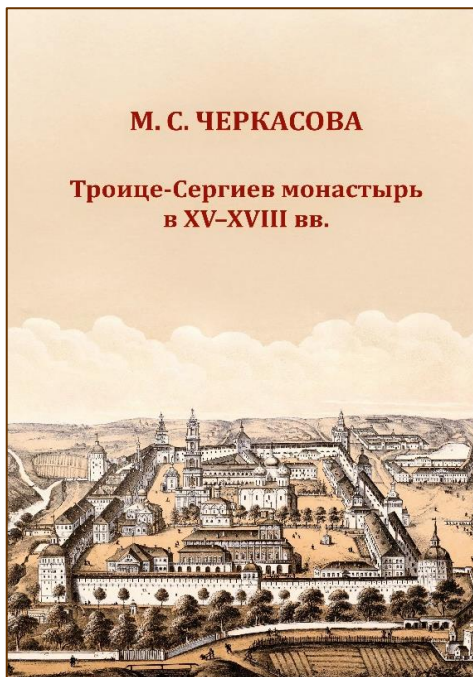
Review of *Troitse-Sergiev monastyr' v XV–XVIII vv.* [Trinity–St. Sergius Monastery in the 15th–18th centuries], by M.S. Cherkasova (Vologda: Drevnosti Severa, 2024)

Abstract. The book by Marina S. Cherkasova, Professor of Vologda State University, published in 2024, is the third monograph in her scientific work devoted to the social and economic history of the Trinity–St. Sergius Monastery. While the previous books were based on the materials of the author’s PhD and doctoral dissertations, the present one, unlike them, is a collection of thematic regional essays compiled from previously published and new articles. Summing up the results of many years of research and outlining the prospects for further research work, M. Cherkasova presents to the reader not a complete picture but rather a mosaic of the life of the main Russian monastic community and its vast patrimony for four centuries and tries to answer the question about the reasons for the phenomenally long continuous growth of the monastery’s estate. Not only did the transition from the Middle Ages to the Early Modern Period hardly interrupt it, but it lent this process a new impetus. Consistently adhering to the formational approach in the version of the Soviet historical and agrarian tradition, the author proves that the reasons for the stability of the entire monastic organism up to the 1760s lay in the gradual strengthening of the elements of monetary economy and the priority of serf ownership over land ownership. The Trinity’s patrimony was an autonomous multitier highly differentiated system capable of self-regulation that developed asynchronously. Its structural basis was formed by a complex interweaving of power-proprietary and immune principles, which made it possible to achieve “unity through diversity,” harmonizing the archaic and the innovative.

Being based on extensive and professionally researched material and sources, the book by M. Cherkasova demonstrates that both as a concept and a derivative of the Marxist methodology, feudalism in a creative rather than dogmatic interpretation still retains its potential in a comprehensive analysis of Russian historical dynamics.

Keywords: Trinity–St. Sergius Monastery, patrimony, population, land ownership, Russian feudalism, Early Modern Period

For citation: Vsevolodov, A.V. “People and Lands of the Russian Monastery on the Way to the Early Modern Period.” Review of *Troitse-Sergiev monastery' v XV–XVIII vv.* [Trinity–St. Sergius Monastery in the 15th–18th centuries], by M.S. Cherkasova (Vologda: Drevnosti Severa, 2024). *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 9, no. 2 (2025): 600–16, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-2-9>; EDN: XCMYRZ

Недавний сборник статей по военной истории России имперского периода открывается словами, которые вполне могли бы послужить эпитафией к нынешней рецензии (хоть она и посвящена, в основном, предшествующим трем векам): «1 января 7209 г. от сотворения мира Россия по указу Петра I перешла на Юлианский календарь и начала жить одним временем с Европой, т. е. в 1700 г. от Рождества Христова»¹. Если в каждой шутке содержится только доля шутки, то и неточность лишь на первый взгляд может показаться таковой, особенно в устах профессионала и тем более – когда она дает неожиданную пищу для размышлений.

Если со сменой цифр года Россия и прибавила себе очков на условной шкале европейскости, то сущностно она в любом случае осталась прежней. Со своими собственными внутренними хронологиями и логиками смены эпох, где навигация шла не строго вперед, а скорее вглубь – через медленную структурную перестройку со множеством остановок, отступлений, резких скачков и накапливающихся неснятых противоречий. Форсированный темп, навязанный Петром, привнес в эту терпеливую неспешность чуждое ей функционально-регламентирующее начало, причем реализуемое с невиданным, лихорадочным упорством. Но как бы ни хотел великий преобразователь обратного, до подлинной синхронизации с соседями России было далеко, поскольку ключевые импульсы ее социальной динамики одним монаршим повелениям не подчинялись. Время в культурном преломлении, на первый взгляд, расслоилось: пока в одной его фазе брили бороды, учили новые слова и носили европейское платье, в других – не ощущали резких перемен, пытались

¹ Миллер А. Введение. Член «концерта» или «варвар у ворот»? // Европейские войны Российской империи: сборник статей / под редакцией А.И. Миллера. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. С. 10. Строго говоря, петровский указ лишь устанавливал дату празднования нового года. Византийская эра, отмененная им, и так была по сути вариантом Юлианского календаря.

от них скрыться или считали дни до обещавшего вот-вот настать конца света. Чтобы перемещаться между фазами или пребывать сразу в нескольких, сохраняя при этом целостность, требовались стабилизирующие и интегрирующие механизмы – внутриличностные, групповые и общесоциальные.

Принято говорить, что Петр избрал образцом для своего государства армию – достижимое воплощение столь любимой им регулярности². Второй проекцией того же идеала в русскую жизнь стала бюрократия. Допетровская действительность знала куда больше моделей самоустройства. Сходным для них, думается, было то, что «государство» (как институциональное продолжение государя) не принимало на себя роль верховного геометра, призванного лепить и расставлять все по собственной воле и ко всему подходившего с готовой меркой. Оно по необходимости вмешивалось там, где на кон ставились жизненно важные интересы – «прорастало» в общественную толщу (из которой вышло), инфраструктурно и юридически охватывая ее. Превентивная – опережающая – инженерия для него была еще непосильна, отгородиться от «общества» оно не умело и не собиралось, хотя усиливало, медленно, но поступательно, административно-фискальное давление на все социальные группы.

Черносошная крестьянская община, посад и поместье/вотчина представляли собой три самых типичных места, три сценария и, в каком-то смысле, три восходящие степени описанного специфического государственно-общественного сопряжения³. Можно считать их контактными зонами, в которых формировался потенциал будущих изменений. Существованием таких зон обеспечивалась устойчивость феномена, который не без риска может быть назван русским феодализмом. Представив его как мозаику жизненных миров, более или менее автономных друг от друга, что подкрепляется различающимися укладами и структурами повседневности, правовыми режимами, представлениями об окружающем и о себе, мы должны будем снова

² Об этом см., например: «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России / под редакцией Д.А. Редина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022.

³ Ср. в статье А.А. Горского: «На русском материале тезис о сосуществовании “феодалного” (= сеньориального) и крестьянского обществ точно не может найти подтверждения из-за тесного переплетения государственных и сеньориальных элементов в отношениях между знатью и рядовым населением: кормленщики и вотчинники были одними и теми же людьми, крестьяне могли переходить как из числа зависимых от государства в вотчинную зависимость, так и в обратном направлении, зависимость от вотчинников могла сочетаться с элементами зависимости от государственной власти» (*Горский А.А. О «феодализме»: «русском» и не только // Средние века. 2008. № 69 (4). С. 24.*

задаться вопросом об объединяющих началах. Примем ради простоты, что баланс между унифицирующим влиянием, неизбежно исходящим от государства, и естественной разнородностью социума, стремящейся от него защититься или абстрагироваться, обеспечивается взаимным *сеньориально-владельческим* пониманием власти. Двумя источниками последней являются земля и люди.

Позволю себе небольшое отступление. Со времен Марка Блока и в духе Марка Твена феодализм – любимый мнимый больной историографии, слухи о смерти которого всякий раз оказываются преувеличены. Призывы отказаться от него и признать окаменелым реликтом на практике оказываются столь же малоуспешны, сколь и попытки наполнить термин «объективным» либо универсальным содержанием. В итоге же феодализм сегодня у каждого свой, потому и оказывается востребован везде – от художественной литературы и кинематографа до самой свежей экономической публицистики. Секрет его витальности, кажется, в том, что при отсутствии внятной дефиниции он может быть просто и доходчиво описан. Например – как общество ренты, в котором «...благодаря случайности рождения или по королевскому указу феодал получал определенные права на распоряжение участком земли, в том числе позволявшие ему предъявлять требование на часть урожая, произведенного крестьянами, которые родились и выросли на этой земле»⁴.

Эта схема не случайно вполне марксистская: ее автор – бывший министр финансов Греции в левом правительстве А. Ципраса. Он убежден, что ренту земельную сменила сейчас рента облачная, а нынешнее технологическое предпринимательство по своим деловым привычкам уподобилось средневековым землевладельцам. Марксизм как методология вряд ли безоговорочно допускает подобные выводы, но сам факт того, что они могут стать авторитетными, показывает, что теория общественно-экономических формаций и ее трактовка феодализма сохраняют потенциал не только для дискуссий. Вопрос в том, как именно этим инструментарием пользоваться. Особенно в обстановке демонстративной усталости от «всесильного и верного», характерной для нашей гуманитаристики. Выход находит П.Ю. Уваров, который, объясняя феодализм неискушенному читателю, выделяет «узкое» и «широкое» его значение. Первое связывается с вынужденным делегированием важнейших публично-правовых прерогатив от слабого государственного центра феодалам в рамках системы взаимных

⁴ Варуфакис Я. Технофеодализм. Что убило капитализм. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2025. URL: <https://www.litres.ru/book/yanis-varufakis-16165533/tehnofeodalizm-chto-ubilo-kapitalizm-71848150/chitat-onlayn/> (дата обращения: 08.05.2025).

сеньориально-вассальных обязательств между ними, второе – с производством, основанным на крупной земельной собственности, эволюционирующей от условно-служебной к наследственной и сочетающейся с мелкокрестьянским землепользованием⁵.

Однако если, по мнению Уварова, только Европа смогла себе позволить «роскошь» феодализма обеих разновидностей, то что делать с Русью/Россией? Московское государство, собственной географией приговоренное к территориальной экспансии, за период ордынского ига создавшее «жесткие» политические структуры, научившееся с их помощью быстро концентрировать и мобилизовывать весьма скудные ресурсы, стало «гегемоном» Восточно-Европейской равнины – но, судя по всему, не эталонно-феодальным⁶. О специфичности отечественного пути историк, впрочем, не рассуждает: ему интересны панорамные, мир-системные процессы, в контексте которых пережитая средневековым Западом эпоха слабости-раздробленности послужила прологом к его глобальному культурному и технологическому доминированию.

Итак, формационный феодализм до сих пор не снят с доски и не утратил по крайней мере объяснительно-иллюстративного значения. Но что будет, если сохранить его в исследовании *en masse* – как основную теоретическую рамку? Ответом служит новейшая монография о Троице-Сергиевом монастыре (далее для краткости – ТСМ) Марины Сергеевны Черкасовой, выпущенная вологодским издательством «Древности Севера».

В жанровом отношении книга (названная кратко – «Троице-Сергиев монастырь в XV–XVIII вв.») является скорее усовершенствованной антологией, чем единым исследованием. Ее составляют авторские статьи разных лет, расширенные и дополненные заново написанными очерками. Нельзя не отметить, что вместе с более ранними трудами Черкасовой – 1996 года о землевладении той же обители и 2004-го – о крупной феодальной вотчине⁷, – нынешний образует своего рода *троицу*⁸.

От предшественников книга наследует концептуальный вектор (фокусировку на отношениях власти и собственности в традициях советской аграрной истории) и «вотчинную» оптику, но с сильным антропологическим акцентом. И

⁵ Уваров П.Ю. Мир накануне раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Евразия, 2022. С. 143–144, 146.

⁶ Уваров П.Ю. Мир накануне раннего Нового времени. С. 110–113.

⁷ Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVII вв. Москва: Археографический центр, 1996; Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой лавры). Москва: Древлехранилище, 2004.

⁸ Трилогией считает эти работы и автор. См.: Черкасова М.С. Троице-Сергиев монастырь в XV–XVIII вв. Вологда: Древности Севера, 2024. С. 12, 23.

это не просто механическая прибавка человека к земельному наделу, который, как предупреждал А.Я. Гуревич, «отнюдь не бездушный объект»⁹. Речь не идет и об одном сопоставлении социально-экономических процессов и «конкретных человеческих сообществ», к чему призывала Н.А. Горская¹⁰. Перед нами попытка показать человеческое измерение преимущественно отраженной источниками монастырской экономики со свойственными ей многоукладностью, территориальной специализированностью, фоновой этнической и социальной пестротой. Случайно или нет, последние две главы (5 – «Демография» и 6 – «Духовная культура», с. 258–421) в совокупности оказываются сопоставимы по объему с остальными четырьмя («Земля. Право. Власть», «Монастырское землевладение...», «Хозяйственная структура Троице-Сергиева монастыря», «Промыслы и торговля», с. 25–257). Логика названия и расположения глав вполне прозрачна: авторская мысль движется от земли, материальной основы жизни, к поведению, мышлению и мировоззрению населяющих ее людей. Как всегда, основной текст сопровождается массивным археографическим приложением (с. 423–525) и подборкой иллюстраций, а также исторических карт, выполненных А.Л. Грязновым (с. 529–536). Самостоятельное научно-справочное значение имеют приводимые в пятой главе перечень церквей во владениях ТСМ и сводная статистика престольных посвящений в них (с. 382–419, табл. 28 и 29).

Очерковое построение книги соответствующим образом калибрует объект исследования: функционирование Троицкой вотчины исследуется не системно (в отличие от монографии 2004 года), а в нескольких локальных срезах, приуроченных в основном к Поволжскому региону. Повествование разворачивается не фронтально, а последовательными сюжетными раскрытиями.

Огромен и потому неравномерно освоен охватываемый в работе временной интервал (четыре столетия). От завершения объединительного процесса под главенством Москвы до превращения царства в империю; от «зрелого» феодализма к «позднему»; от Средневековья к раннему Новому времени – в этих типологически различных перспективах рассматривается в книге динамика вотчинного жизнеустройства. Согласовать их получается не всегда. В частности, неясно, как именно автор трактует понятие «долгого средневековья» (о нем глухо упомянуто на с. 422). Верно ли, что это более интеллектуальное и духовное состояние, чем эпоха в формально-календарном смысле? Согласно

⁹ Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Человек в истории. Вып. 18: Феодализм перед судом историков / под редакцией А.Я. Гуревича. Москва: Наука, 2006. С. 36.

¹⁰ Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). Москва: Наука, 1994. С. 9.

Ж. Ле Гоффу, Европа простилась со своим Средневековьем в середине XVIII века (что выразила и подкрепила Французская революция), а полностью рассталась с ним в веке XIX-м¹¹. Попытавшись перенести тот же темпоритм в российские обстоятельства, очень вероятно, подойдем к 1861–1917 годам. Именно тогда европеизированная при Петре и его преемниках внешность романовской монархии наконец начала мучительно сближаться с реальностью – умственной, социальной и институциональной – возглавленной ею страны. С точки зрения примененных Ле Гоффом критериев (сначала мировоззренческие, идеологические новации, за ними системные сдвиги во всех сферах), российский XVIII век может быть лишь первой фазой перехода к Новому времени. Повторим за классиком: «если что для Средних веков и Возрождения действительно важно, более, чем для современности и настоящего времени, так это медлительность перехода от одного периода к другому»¹².

В этом смысле Троицкая вотчина, всесторонне изученная М.С. Черкасовой, – великолепный пример *longue durée*. В неожиданно кратком заключении к монографии автор, не обозначая дат, констатирует, что исследовательская задача работы состояла в том, чтобы эскизно обрисовать «движение крупной духовной корпорации через Средневековье в раннее Новое время» (с. 422). Верхняя временная граница исследования ставится его самыми поздними источниками, так называемыми «офицерскими описями» 1760-х годов, зафиксировавшими финальное состояние лаврских владений (об описях см. на с. 173–195). Вот, надо полагать, и конечная точка упомянутого движения. Феноменальность Троицкой вотчины состоит в том, что до самого своего конца она продолжала расти демографически и пространственно (с. 177, 422 и др.), с чем верховная власть мирилась¹³. Главный же вопрос, предлагаемый читателю книги, касается причин сохранения исключительных масштабов и устойчивости монастырского организма.

Механика процесса понятна: землевладение ТСМ увеличивалось кумулятивно, исходя из владельческой принадлежности крестьянского населения (последнее на протяжении XVII–XVIII веков росло и мигрировало, так что занятые им площади ревизским учетом механически укреплялись за ТСМ). Подготавливали демографическую экспансию многие факторы, начиная с организованных и поощряемых внутренних переселений-переводов вкупе со стимулированием притока на монастырские земли новых крестьян (с. 86, 108,

¹¹ Ле Гофф Ж. Стоит ли резать историю на куски? / перевод с французского М.Ю. Некрасова. Санкт-Петербург: Евразия, 2018. С. 119–162.

¹² Ле Гофф Ж. Стоит ли резать историю на куски? С. 165.

¹³ О жалованной грамоте Елизаветы Петровны, данной в 1752 г., см.: Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVII вв. С. 46.

252, 261, 309 и др.). Индуцируемый в том числе таким способом естественный прирост вызывал семейные разделы с последующим формированием новых расселенческих структур. Концентрации населения добивались и грубыми фискальными методами – путем завышения ставок «выводных» пошлин: они могли отличаться от платежей за брак внутри вотчины более чем в 10 раз (с. 285).

Складывается впечатление, что Троицкая *сеньория* на поздних этапах ее истории не теряла, а лишь усиливала способность к внутренней саморегуляции. К этому вели прогрессирующее осознание эквивалентности земельных и денежных вкладов в монастырь (с. 67 и др.) и государственный курс на ограничение монастырских иммунитетных прав, возобновившийся, как показывает М.С. Черкасова, в последней трети XVII века (с. 244). Так, с двух сторон, материально-правовой и духовно-ментальной, трансформировались базовые условия жизни троицкой братии и ее обширного служебного аппарата. Денежная экономика понуждала к предприимчивости, которую, едва она проявилась, государство не замедлило оценить, превратив обитель преподобного Сергия в своего подневольного кредитора (с. 169–170). Обращенный вовне и внутрь монастырской вотчины денежный и хлебный кредит создавал еще одну сеть укреплявших ее связей (с. 153), наряду с духовно-учительными, потестарно-иерархическими, ктиторскими, имущественно-обязательственными, торгово-ремесленными, соседскими, семейно-родственными... Монетизировалось и обладание каким-либо мастерством – профессионализм. Его финансовыми плодами, приравненными ко вкладу и влекущими за собой запись в синодик, монастырские крестьяне могли фактически купить себе освобождение от некоторых повинностей (с. 254). Такая модификация вкладной практики опосредованно превращала труд на монастырь в часть ритуального дарообмена, отнюдь не эквивалентного (мастерской ведь не становился свободным, и это закладывало почву для следующих аналогичных сделок с обителью), но и не феодального по умолчанию. Хотя бы постольку, поскольку мы должны признать, что крестьянское обогащение могло иметь другие мотивации, кроме поминально-коммеморативной или обязательственной – обусловленной зависимостью. Выбор между трактовками здесь – до сих пор вопрос убеждений¹⁴.

¹⁴ Если, например, феодальные отношения и порождаемую ими хозяйственную жизнь, в самом грубом истолковании, считать «антитезой неэквивалентности», где «долг столь же характерное явление, как и сокровище», тогда и описанное явление вполне феодально, поскольку перед нами всего лишь «продажа» монастырем своему крестьянину ограниченной автономии, подмена одной формы ренты другой. См.: *Поршнев Б.Ф.* Очерк политической экономики феодализма. Москва: Государственное издательство политической литературы,

Можно согласиться с М.С. Черкасовой в том, что подобное сложное сочетание рентных, сугубо феодальных, и духовно-религиозных мотивов следует учитывать в сегодняшнем видении сеньориально-крестьянских отношений. Но важно понять, чем обеспечивалась задававшая их вотчинная автаркия. Что гарантировало ТСМ возможности не только аккумулировать и перераспределять значительнейшие ресурсы вопреки нараставшим государственным изъятиям, но и вырабатывать свои особые способы адаптации к изменениям, в которых эффективно соединялись элементы старины и новизны.

Содержание рецензируемой книги и всей трилогии убеждает, что вотчинное управление ТСМ воспроизводило, в приблизительном отражении, некоторые черты институциональной и пространственной организации российской доимперской власти. Оно представляется не в виде строгой вертикали, а как множество накладывающихся друг на друга сетей коммуникаций и юрисдикций. Сама вотчина – полицентрический конгломерат, включающий ядро (главную обитель с обширной округой), монастыри-филиалы, монастырьки («старчества-келейничества», с. 365–366), приходские церкви, отдельные дворы в городах, деревни, приселки, сельца, села, угодья... В этом реализуется изначально вторичная (субфеодальная) природа церковно-монастырского землевладения.

М.С. Черкасова многократно повторяет, что монастырские владения пронизывались сверху донизу и скреплялись нитями «вотчинного властвования», которое чем ближе к Новому времени, тем дальше выходило за правовые границы аграрной экономики и распространялось на личность любого человека в ее пределах, будь то монастырский крестьянин, ремесленник, слуга или, видимо, даже старец. Землевладение сменялось душевладением. И не только по причине необратимой коммутации земельной ренты из натурально-отрабочной в денежную (с. 82, 88 и др.) – это, безусловно, важный, но внешний симптом. Параллельные ему сдвиги совершались в людском сознании и поведении. Коммутировали вкладная практика, содержание и режим монастырского «властвования», способы идентификации и самоидентификации личности. Люди становились ценнее земли, поскольку их экономическая активность оказывалась доходнее, и ее, в отличие от плодородия почвы и погодных условий, можно было контролировать, а главное по необходимости перенаправлять в нужное русло.

1956. С. 121, 125. О критике построений Поршнева и их влиятельности см.: *Филиппов И.С.* Б.Ф. Поршнев и политическая экономия феодализма // Французский ежегодник 2007. Т. 39: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е–80-е годы XX в. Москва: КомКнига, 2007. С. 89–131.

Вернемся снова к Ле Гоффу, который говорит: «Феодальный способ производства обусловлен, по Марксу, неравноправным договором между сеньором и теми, кто его содержит (прежде всего крестьянами); следствием этого неравноправия является обращение львиной доли прибавочной стоимости в феодальную ренту, следовательно, конечной целью становится не расширение производства, а простое воспроизводство затраченного»¹⁵. Иными словами, рента при идеально статичном феодализме в большей своей части депонируется, а не используется. На деле ни того, ни другого в чистом виде и близко не было. Так, троицкие вкладные земли бойко вовлекались в оборот: отдавались на оброк или в пожизненное держание завещателям-владельцам, выкупались или не выкупались. Они также приобретались непосредственно старцами и пребывали в их полноценном частном владении, пусть и под оправдывавшей его коллективной эгидой (см. с. 49–59 о «казусе» Варсонофия Якимова).

К ним же, старцам, перетекали многочисленные индивидуальные дарения и, видимо, монетизированная рента – отнюдь не для того только, чтобы осесть в сундуках (с. 146 и др.). Имущественное расслоение захватило как крестьянское население Троицкой вотчины (с. 100 и др.), так и саму братию: в ней появились свои «сверхбогатые» и «нищие» (с. 50–51). В столь индивидуализированной, личностной экономике хрестоматийный феодализм разглядеть трудно. Напоминают о нем поразительно живучие элементы архаики: еще в начале XVIII века кое-где взималось почти летописное «подымное» (с. 88), а система крестьянских обязательств перед управителями отдельных вотчинных комплексов подозрительно напоминала кормления (с. 189–190).

В высшей степени своеобразен оформившийся отдельно от основного «тела» Троицкой вотчины ее городской торгово-ремесленный и промысловый компонент – со слободами, слободками и отдельными дворами¹⁶. Рядовые обитатели и управленческий персонал этих вотчинных представительств обладали двойственным статусом: агентов ТСМ, представлявших его интересы, и одновременно самостоятельных игроков в складывавшихся новых (протокапиталистических?) отношениях. Крестьяне и бобыли, переселенные монастырскими властями в города, покупали здесь свои дворы за пределами слобод (с. 252), поступали в ученики к местным мастерам, заводили торговлю,

¹⁵ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / перевод с французского Е.В. Морозовой. Москва: Издательская группа «Прогресс», 2001. С. 35.

¹⁶ Ср. ремарку в монографии 1996 года: «Городские и промыслово-ремесленные комплексы являлись частью обширного вотчинного организма. Это заставляет задуматься над взаимодействием аграрного и городского развития при феодализме» (Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVII вв. С. 46).

полностью отрываясь от земледельческих занятий (с. 253–255). Особый от монастырского дела «бизнес» вели в городах троицкие «дворники» (с. 229). Совместное участие крестьян и троицких старцев в речной торговле (с. 224–225) лишь отчасти может считаться феодальной по типу кооперацией, обусловленной принуждением. Аналогичны факты совместного владения судами и их использования (для перевозки грузов за плату) у монастырских торговых крестьян и посадских людей (с. 230). Все это признаки иного, синхронного уклада: выросшего в феодальных рамках, но не вполне им принадлежащего.

Усиление личной зависимости троицкого населения в XVII–XVIII веках (с. 111, 119, 284–285, 306 и др.): с распространением на него норм вотчинного права, фиксацией его *старинной* принадлежности ТСМ в кадастровых документах и т.п. – существенно уменьшало, но не ликвидировало полностью пространство жизненной автономии. Зависимое положение не становилось преградой для обогащения и, как следствие, для мобильности, куда большей, чем можно было бы предположить. «Человек мог быть по профессии носником (проводил речные суда), по месту жительства – тотъмичом, а по социальной принадлежности – троицким крестьянином», – констатирует М.С. Черкасова (с. 257).

Эта множественная, ситуативная субъектность ни в коем случае не является показателем какой-либо условной свободы или несвободы. С одной стороны, она естественна (как смена ролей в деятельности), но в привязке к «вотчинному властвованию» становится личностным отражением и его, и *расчлененного* характера феодальной собственности в целом¹⁷. Благодаря ей рядовой обитатель монастырской вотчины, по крайней мере, не кажется обезличенной хозяйственно-податной единицей, которой суровая судьба уготовила безмолвно

¹⁷ Представим этот тезис в виде схемы. Действуя на территориях с различным правовым режимом (владельческой принадлежностью), троицкий крестьянин занимает ту позицию, которая в данном контексте, во-первых, доступна, а во-вторых, наиболее выгодна ему самому и его монастырю-*сеньору*. Но зависимый статус, оставаясь во всех случаях точкой отсчета, неизбежно ограничивает его выбор. Обратное это правило выполняется для землевладельцев: вне своих владений, в которых они исполняют переданную им иерархически обусловленную роль сюзерена, они оказываются полностью подвластны верховному собственнику земли (великому князю или царю). Сам верховный собственник на своих землях тоже действует в первую очередь как частный владелец, на всех остальных – прежде всего как высшая инстанция, представленная реальным собственником или назначенными агентами. См., например: Черепнин Л.В. Феодальная собственность на Руси в период политической раздробленности и складывания единого государства (до конца XV в.) // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). Москва: Наука, 1972. С. 194, 218–229.

страдать под пятой господствующего класса. Здесь уместно напомнить, что не меньше подобного плоского социологизма опасно представлять крестьянина каким-то вечно благочестивым микрокосмом в сермяге и лаптях, будто бы и по земле не ходящим. Книга М.С. Черкасовой отучает от обеих крайностей – подчеркнутой сдержанностью изложения, немодной ныне фактографичностью, последовательной верностью источнику и отсутствием показных упражнений в теории. Нам предложен текст очень непростой и нелегкий: он не собирается обаять читателя, не знакомит с темой, а скорее вбрасывает в нее и, по нынешним меркам, перенасыщен конкретным материалом, за которым не всегда просматривается ход авторских размышлений.

Остается лишь пожалеть, что заключение монографии, как раз концептуальное, исполнено столь лаконично. Его основной мотив – что приоритетными для монастырской экономики при переходе к Новому времени становятся люди, а не земли – потребует (все-таки!) некоторого теоретизирования. Из сказанного, полагаю, ясно, что троицкое душевладение важно отделить от хрестоматийного, «школьного» крепостничества, в котором допускаются только угнетатели и угнетаемые. Прежде всего потому, что первое имеет солидарно-корпоративный характер, в принципе гарантируемый уставным устройством общежительного монастыря, а юридически – иммунитетным правом. Последнему как основе «собственно феодального типа подчинения»¹⁸ в монографии не уделено специального внимания – но сказано, что у Троицкой вотчины иммунитетные преимущества, например, налоговые, сохранялись необычно долго. Почти до исхода XVII века они подтверждались правительством вопреки его же собственной линии на их ограничение (в частности, на отмену тарханов). Так, иммунитет из публично-правовой плоскости переходил в сферу традиции, показывая свою «глубокую укорененность» в общественной практике (с. 244) и самодовлеющий характер. Иммунитетные нормы в отношениях государства и Сергиевой обители продолжали действовать даже тогда, когда потребность в них для светской власти отпала. Из способа встраивания гигантской и все увеличивавшейся монастырской латифундии в структуру единого государства¹⁹ они преобразовались в гарантии не только субфеодального, но как бы и субгосударственного положения монастыря и его земельной собственности. Потому авторское словоупотребление: «пространство Троицы», «социальная история Троицы» и др. (с. 83) – выглядит вполне оправданным.

¹⁸ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства / под редакцией З.В. Удальцовой. Москва: Наука, 1985. С. 556.

¹⁹ Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков. С. 238.

На поздней стадии существования троицкий иммунитет все больше переносился на уровень сеньориально-крестьянских отношений, а под их воздействием видоизменялся и мельчал. Дробился он и в материальном выражении: со второй половины XVI века «сеньориальные поборы» в землях ТСМ делились на те, что следовали управленческому персоналу (корпоративные), и те, адресатом которых оставался монастырь в качестве главного собственника (централизованные)²⁰.

Плоды нисходящего внутривотчинного переноса иммунитета можно усмотреть не только в общем владельческом наступлении монастыря-сеньора на личность своего зависимого человека. Он заявлял о себе также и в уплотнении сетей частного «властвования» и владения/пользования в комбинации с корпоративным: старцев и приказчиков – селами и крестьянами, предприимчивых крестьян – переданными им монастырскими оброчными статьями, ктиторов – построенными их иждивением церквями и приходами, приходского духовенства – переданными ему в обеспечение деревнями и т.п.

Противоположная тенденция (автономизации и индивидуализации) тоже подпитывалась, как кажется, из этого источника, находя себе дополнительную поддержку в обычае. Таково старинное запрещение монастырским агентам являться незванными на общинные пиры, братчины и на свадьбы. Даже обложенное пошлинами, то есть включенное в систему вотчинного подчинения, семейное празднество оставалось делом в первую очередь частным (с. 280)²¹. Нараставшая чувствительность фискально-кадастровой и учетной документации к антропонимике, к деталям жизненной истории конкретных людей, показанная прежде всего в последних главах, стоит в том же ряду. Она свидетельствует не только о все более тесном объятии человека узами монастырской зависимости, но и о сопутствующем выделении его из социального фона, о появлении у него собственного, искаженного и усеченного, но *иммунитета*, то есть независимой от монастыря-сеньора субъектности, скрытой под оболочкой крепостного состояния.

Единство власти-собственности и иммунитета, параллельно распространявшихся вглубь и вширь в жизненном мире ТСМ, образует известный парадокс. «Нормальная» логика перехода к раннему Новому времени такого не предполагает, поскольку названные типы отношений друг с

²⁰ Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков. С. 264.

²¹ См. об этом также: Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков. С. 261–262; Черкасова М.С. Человек в зеркале исторической демографии, XVI – начало XVIII в. Вологда: Древности Севера, 2023. С. 14–32; Сулова Е.Д. Церковный праздник в Олонецком уезде в раннее Новое время: опыт реконструкции по письменным источникам // Этнографическое обозрение. 2024. № 6. С. 97–126.

другом не соплагаются даже цивилизационно (один по преимуществу восточный, другой – европейски-западный). Но это если переход происходит по одной, магистральной, временной колее. Русский же подвид феодализма, как убедительно свидетельствует монография М.С. Черкасовой, вбирал в себя явления и до-, и постфеодалные. Потому в отечественных условиях непримиримые противоположности смогли ужиться и стать равнозначными интегрирующими факторами. Подходящих им темпоральностей на наших просторах нашлось с избытком: было, где развернуться – и что скреплять.

Список литературы

Варуфакис Я. Технофеодализм. Что убило капитализм. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2025. URL: <https://www.litres.ru/book/yanis-varufakis-16165533/tehnofeodalizm-chto-ubilo-kapitalizm-71848150/chitat-onlayn/> (дата обращения: 08.05.2025).

Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). Москва: Наука, 1994. 213 с.

Горский А.А. О «феодализме»: «русском» и не только // Средние века. 2008. № 69 (4). С. 9–27.

Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Человек в истории. Вып. 18: Феодализм перед судом историков / под редакцией А.Я. Гуревича. Москва: Наука, 2006. С. 11–49.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: в 3 т. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства / под редакцией З.В. Удальцовой. Москва: Наука, 1985. 608 с.

Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / перевод с французского Е.В. Морозовой. Москва: Издательская группа «Прогресс», 2001. 440 с.

Ле Гофф Ж. Стоит ли резать историю на куски? / перевод с французского М.Ю. Некрасова. Санкт-Петербург: Евразия, 2018. 188 с.

«Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России / под редакцией Д.А. Редина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. 668 с.

Миллер А. Введение. Член «концерта» или «варвар у ворот»? // Европейские войны Российской империи: сборник статей / под редакцией А.И. Миллера. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. С. 10–14.

Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). Москва: Наука, 1972. 339 с.

Поршнев Б.Ф. Очерк политической экономии феодализма. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1956. 207 с.

Суслова Е.Д. Церковный праздник в Олонецком уезде в раннее Новое время: опыт реконструкции по письменным источникам // Этнографическое обозрение. 2024. № 6. С. 97–126.

Уваров П.Ю. Мир накануне раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Евразия, 2022. 160 с.

Филиппов И.С. Б.Ф. Поршнева и политическая экономия феодализма // Французский ежегодник 2007. Т. 39: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е–80-е годы XX в. Москва: КомКнига, 2007. С. 89–131.

Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVII вв. Москва: Археографический центр, 1996. 335 с.

Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой лавры). Москва: Древлехранилище, 2004. 395 с.

Черкасова М.С. Троице-Сергиев монастырь в XV–XVIII вв. Вологда: Древности Севера, 2024. 575 с.

Черкасова М.С. Человек в зеркале исторической демографии, XVI – начало XVIII в. Вологда: Древности Севера, 2023. 383 с.

References

Cherkasova, M.S. *Chelovek v zerkale istoricheskoi demografii, XVI – nachalo XVIII v.* [Man in the mirror of historical demography, 16th – early 18th centuries]. Vologda: Drevnosti Severa, 2023. (In Russian)

Cherkasova, M.S. *Krupnaya feodal'naya votchina v Rossii kontsa XVI–XVII vekov (po arkhivu Troitse-Sergievoi lavry)* [Large feudal estate in Russia in the late 16th –17th centuries (based on the archives of the Trinity Lavra of St. Sergius)]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2004. (In Russian)

Cherkasova, M.S. *Troitse-Sergieva monastyr' v XV–XVIII vv.* [Trinity–St. Sergius Monastery in the 15th–18th centuries]. Vologda: Drevnosti Severa, 2024. (In Russian)

Cherkasova, M.S. *Zemlevladenie Troitse-Sergieva monastyrya v XV–XVII vv.* [Land ownership of the Trinity–St. Sergius Monastery in the 15th–17th centuries]. Moscow: Arkheograficheskii tsentr, 1996. (In Russian)

Filippov, I.S. “B.F. Porshnev i politicheskaya ekonomiya feodalizma” [B.F. Porshnev and the political economy of feudalism]. In *Frantsuzskii ezhegodnik 2007* [French Yearbook 2007], vol. 39, *Sovetskaya i frantsuzskaya istoriografii v zerkal'nom otrazhenii. 20-e–80-e gody XX v.* [Soviet and French historiography in mirror image. The 1920s–1980s], 89–131. Moscow: KomKniga, 2007. (In Russian)

Gorskaya, N.A. *Istoricheskaya demografiya Rossii epokhi feodalizma (Itogi i problemy izucheniya)* [Historical demography of Russia in the feudal era (Results and problems of study)]. Moscow: Nauka, 1994. (In Russian)

Gorskii, A.A. “O ‘feodalizme’: ‘russkom’ i ne tol'ko” [On “feudalism”: “Russian” and not just that]. *Srednie veka*, no. 69 (4) (2008): 9–27. (In Russian)

Gurevich, A.Ya. “Feodalizm pered sudom istorikov, ili o srednevekovoi krest'yanskoi tsivilizatsii” [Feudalism before the court of historians, or about the medieval peasant civilization]. In *Odissei. Chelovek v istorii.* [Odyssey. Man in history], iss. 18, *Feodalizm pered sudom istorikov* [Feudalism before the court of historians], edited by A.Ya. Gurevich, 11–49. Moscow: Nauka, 2006. (In Russian)

Istoriya krest'yanstva v Evrope. Epokha feodalizma [The history of peasantry in Europe. The era of feudalism]. 3 vols. Vol. 1, *Formirovanie feodal'no-zavisimogo krest'yanstva* [Formation of the feudal-dependent peasantry], edited by Z.V. Udaltsova. Moscow: Nauka, 1985. (In Russian)

Le Goff, J. *Srednevekovyi mir voobrazhaemogo* [The medieval imagination], translated from French by E.V. Morozova. Moscow: Izdatel'skaya gruppa “Progress”, 2001. (In Russian)

Le Goff, J. *Stoit li rezat' istoriyu na kuski?* [Must we divide history into periods?], translated from French by M.Yu. Nekrasov. St Petersburg: Evraziya, 2018. (In Russian)

“*Mental'noe gosudarstvo*” *Petra Velikogo i regiony v pervoi chetverti XVIII v.: materialy i issledovaniya po istorii mestnogo upravleniya v Rossii* [“The mental state” of Peter the Great and regions in the first quarter of the 18th century: Materials and research on the history of local government in Russia], edited by D.A. Redin. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022. (In Russian)

Miller, A. “Vvedenie. Chlen ‘kantserta’ ili ‘varvar u vorot’?” [Introduction. Member of the ‘concert’ or ‘barbarian at the gate’?]. In *Evropeiskie voiny Rossiiskoi imperii: sbornik statei* [European wars of the Russian Empire: A collection of articles], edited by A.I. Miller, 10–14. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2025. (In Russian)

Novosel'tsev, A.P., V.T. Pashuto, and L.V. Cherepnin. *Puti razvitiya feodalizma (Zakavkaz'e, Srednyaya Aziya, Rus', Pribaltika)* [Paths of development of feudalism (Transcaucasia, Central Asia, Rus', the Baltics)]. Moscow: Nauka, 1972. (In Russian)

Porshnev, B.F. *Ocherk politicheskoi ekonomii feodalizma* [Essay on the political economy of feudalism]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1956. (In Russian)

Suslova, E.D. “Tserkovnyi prazdnik v Olonetskom uезде v rannee Novoe vremya: opyt rekonstruktsii po pis'mennym istochnikam” [Church festival in Olonets Uyezd in the early modern period: An attempt at reconstruction based on written sources]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6 (2024): 97–126. (In Russian)

Uvarov, P.Yu. *Mir nakanune rannego Novogo vremeni* [The world on the eve of the early modern period]. St Petersburg: Evraziya, 2022. (In Russian)

Varufakis, Ya. *Tekhnofeodalizm. Chto ubilo kapitalizm* [Technofeudalism. What killed capitalism]. Moscow: Ad Marginem Press, 2025. Accessed May 8, 2025. <https://www.litres.ru/book/yanis-varufakis-16165533/tehnofeodalizm-chto-ubilo-kapitalizm-71848150/chitat-onlayn/> (In Russian)

Информация об авторе

Антон Владимирович Всеволодов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>, vsevolodov12@yandex.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); старший научный сотрудник, Череповецкое музейное объединение (д. 30-а, пр-т Советский, 162602 г. Череповец, Россия).

Information about the author

Anton V. Vsevolodov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>, vsevolodov12@yandex.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia); Senior Research Fellow, Cherepovets Museum Association (30-a, pr. Sovetskii, 162602, Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; принята к публикации 28.05.2025.

The article was submitted 14.05.2025; accepted for publication 28.05.2025.